
СОЗНАТЕЛЬНОЕ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ В ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ.

Н. А. Саркисян

(Москва)

Все наше знание постоянно связано с сознанием. Даже бессознательное мы можем узнать только путем превращения его в сознательное.

З. Фрейд

Статья представляет собой критический обзор исследований, затрагивающих различные аспекты политического сознания россиян. В обзоре анализируются основные направления исследований, а также их достоинства и недостатки. Основной акцент в анализе ставится на методологию этих исследований и на различные методические тонкости, приводящие к сознательным или бессознательным искажениям результатов и выводов исследований. Статья публикуется в двух частях (вторая часть будет опубликована в следующем номере журнала).

Ключевые слова: политическое сознание, опросы общественного мнения по политическим вопросам, качественные методы анализа данных, количественные методы анализа данных, традиционные методы опроса общественного мнения.

Понятие “политическое сознание” нередко употребляется некорректно, зачастую приравниваясь в представлениях исследователей к общественному мнению по политическим вопросам, понимаемому иногда тоже весьма специфически. Этим смещением и путаницей представлений, на наш взгляд, достигается несколько целей (и сознательно, и бессознательно).

Во-первых, некоторые “исследователи” облегчают себе возможность “плавать неглубоко и плыть в выгодную сторону”. Что в условиях нынешней политической ангажированности и высокой себестоимости высококачественного исследования является очень удобным.

Во-вторых, как отмечает П.Бурдьё, опросы общественного мнения служат утверждению в обществе мысли (а по сути созданию иллюзии) о том, что общественное мнение существует как “императив, получаемый исключительно путем сложения индивидуальных мнений, и во внедрении идеи, что существует нечто вроде среднего арифметического мнений или среднее мнение” [3 с. 163], то есть по сути позволяют получить доказательства некоего единодушия в обществе или хотя бы существования ограниченного количества точек зрения с расставленными количественными приоритетами. Это позволяет легитимировать существующую политику, то есть показать обществу, что политик действует, исходя из мнения данного общества, хотя на самом деле это редко имеет место (при этом, конечно, не отрицается, что сами политики в какой-то степени также наблюдают за результатами опросов и это некоторым образом влияет на их поведение). Бурдьё пишет, что цель формирования артефакта “общественное мнение” - “скрывать то, что состояние общественного мнения в данный момент суть система сил, напряжений и что нет ничего более неадекватного, чем выражать состояние общественного мнения через процентное отношение” [3, с. 164]. Тем не менее очевидно, что, благодаря множеству публикаций в средствах массовой информации, в обществе поддерживается идея существования “общественного мнения” и “общественного сознания” как главного выразителя тех самых пресловутых и таких удобных “интересов народа”. С нашей точки зрения, даже в условиях прямых свидетельств неадекватности, например, прогнозов, даваемых исследователями общественного мнения, в обществе может сформироваться недоверие к конкретным организациям или исследователям

(пусть даже к “социологии” в целом) как к структурам, допускающим ошибки в изучении общественного мнения, но никогда не возникнет сомнения в его существовании именно в том представлении, каковое характерно всем этим исследованиям.

Сам факт появления столь яркого акцента на массовое сознание и общественное мнение является одним из важных моментов произошедших в нашем обществе изменений и одним из достаточно успешных заимствований у Запада.

Однако существует одно важное, существенное различие между изучением общественного мнения на Западе и в России, мне представляющееся весьма прискорбным: на Западе изучение общественного мнения, при всех тех же его характеристиках, является делом специально для этого существующих исследователей общественного мнения и не смешивается так глубоко с социологией, как в России, где произошло почти полное их слияние под эгидой социологии - со всеми побочными эффектами этого явления, как то: отток профессиональных социологов из научной социологии в сферы исследования общественного мнения (впрочем, здесь свой значительный вклад внесли и маркетинговые исследования), создание определенного имиджа социологии, а именно, ее отождествления (и не только людьми, напрямую с социологией не сталкивающимися, но и частью тех, кто претендует на “занятия” ею) именно с этими двумя сферами исследований, которые, повторяю, на Западе уже давно “оформили развод” с социологией. Впрочем, я надеюсь, это все вопрос времени - с его течением при условии развития процессов демократизации общества оба этих направления приобретут более институционализированный характер, и, соответственно, отмежуются от социологии как таковой и будут формировать собственные кадры согласно своим потребностям в их качестве, количестве и обученности, как это, видимо, и произошло на Западе.

В-третьих, согласно П. Бурдые, лежащая в основе опросов общественного мнения гипотеза о существовании обществен-

ного консенсуса в отношении затрагиваемой ими проблематики и ее актуальности, то есть предположение о том, что задаваемые “вопросы заслуживают быть заданными” [3, с. 161], позволяет скрывать тот факт, что на самом деле состав этой проблематики и направления ее проработки подчинены особому типу запросам, социальному и особенно политическому заказу. Имплицитно заложенные в выбранной проблематике и в расставляемых при ее развитии акцентах предпосылки в значительной степени обуславливают ответы, получаемые от респондентов, и в конечном счете общие результаты исследования. Более того, по-моему, исследования общественного мнения и массового политического сознания служат (одновременно с рядом других факторов) механизмом формирования комплекса актуальной политической проблематики, то есть того набора вопросов и проблем, которые в данный момент являются козырями в политической борьбе и на которые определенные силы делают ставку. Впрочем, в нашей стране этот механизм не всегда работает. Например, питая пристрастия к некоторой политической силе (в основном, “реформаторской” направленности), исследователи общественного мнения пытаются очернить оппозицию и доказать обществу, сколь несимпатична она ему, но таким образом лишь акцентируют внимание общества на поднимаемой оппозицией и выгодной ей проблематике, делая ее значимой в массовом сознании.

Нельзя, конечно, сказать, что усилия исследователей общественного мнения не приносят никаких плодов, соответствующих их цели, однако “эффект антирекламы” тоже весьма силен. Нельзя также и утверждать, что эти исследования ничего не дают для науки - в них можно найти массу интересных идей, полезных находок, наконец, анализ этих исследований позволяет охарактеризовать желательный для властных структур образ массового политического сознания и понять некоторые реально существующие закономерности этого сознания. И кроме того, большая часть этих исследований делается все-таки, как было

сказано выше, профессиональными социологами, имеющими социологический образ мышления и применяющими социологические подходы, и уже поэтому эти исследования не могут не быть полезны и для научной социологии - важно лишь не принимать все в них на веру и развивать глубокий и критический подход к их анализу, позволяющий разделить научные данные и различные сознательно или бессознательно полученные исследователями искажения данных, а для начала хотя бы вообще анализировать эти работы.

Ниже будут рассмотрены только те исследования, которые подпадают под вытекающий из предложений А.Ослона и Е.Петренко “критерий научности” такого рода публикаций: ”Здесь выход только один: “серьезные” результаты публиковать на научном языке в специальных изданиях, “поверхностные” - на житейском языке в средствах массовой информации”[9, с. 3].

Разделим всю массу исследований по критерию различия в методологии и методах, реализуемых в исследовании, которые, на мой взгляд, должны быть первичны при реализации того рода подхода к анализу, о котором речь велась выше и который пыталась реализовать в своей работе.

На этом основании я посчитала резонным выделить во всем объеме проанализированных мной исследований следующие несколько классов:

1. Достаточно традиционной формы опросы общественного мнения, имеющие одной из целей формулирование некоторых выводов относительно массового политического сознания или делающие это в условиях неразличения исследователем понятий массового политического сознания и общественного мнения по политическим вопросам.

2. Исследования, опирающиеся на глубинные, обычно полужформализованные интервью, результаты которых интерпретируются качественно, то есть без применения количественного анализа в существенных дозах.

3. Исследования, сбор данных в которых происходит с применением некоторых методов, отличных от традиционного прямого опроса общественного мнения, и анализ данных в большой степени основан на методах количественной обработки.

При достаточно внимательном рассмотрении сразу становится заметно, что выявленные три типа определяются при помощи причисления каждого исследования к одному из полюсов двух биполярных осей. Содержание первой оси относится к методу обработки полученных данных. В подавляющем большинстве работ есть приоритетное направление анализа. Вторая ось, в свою очередь, относится к методам сбора данных и разделяет все исследования на применяющие “традиционный”, “лобовой” метод опроса мнений (достаточно прямые, чаще всего закрытые вопросы, весьма явно демонстрирующие цели исследования и создающие у респондента определенное понимание дальнейшей обработки его ответов; более того, очень часто вопросы задаются настолько однотипные, что респондент может ориентироваться в своих ответах на известные ему результаты прошлых опросов) и на использующие некоторые более “нетрадиционные” методы сбора информации - о том, какие именно, будет сказано ниже. Так как традиционным опросам общественного мнения *de facto* присущи количественные методы обработки данных, то по распределению на плоскости этих двух осей получилось три типа исследований - каждый тип занимает свой квадрант плоскости.

Далее в этом разделе будут рассмотрены подробнее исследования всех трех типов. Есть еще четвертый тип работ, не подпадающий под одну из осей данной классификации, использующий количественные методы анализа уже существующих баз данных, а именно результатов выборов и референдумов. Этот тип также будет представлен в моем анализе.

Тип 1. Использование опросов общественного мнения в исследовании массового политического сознания.

Этот тип исследований, пожалуй, наиболее распространен в сегодняшних исследованиях политического сознания. Но в то же время исследования этого типа очень редко стремятся к некоторому систематизированному представлению своих результатов, хотя некоторые общие выводы, несомненно, делаются. Этим исследованиям свойственна тенденция дробления на подтемы, каждая из которых наделяется определенными количественными результатами, однако синтеза затем чаще всего не производится. Следуя в анализе внутренней логике данного типа работ, произведем систематизацию таких подпроблем в изучении политического сознания. Следует учесть, что она уже есть результат произведенного нами синтеза, а в конкретных исследованиях можно найти эти подпроблемы, в основном, в более раздробленном виде. Опишем кратко каждую из этих исследовательских подпроблем:

1. Представления об идеальном для России типе государства.

Эта достаточно интересная подпроблема не является распространенной в исследованиях, построенных на опросах мнений. Так, из всех проанализированных мною публикаций она затронута лишь в двух [11, 12]. В сборнике “Россия в зеркале реформ” делается следующий вывод: “среди населения преобладают сторонники социально-ориентированной модели развития российского общества, основанной на личной инициативе, но с сильной системой социальной защиты и активной ролью государства в регулировании хозяйственных процессов, с решительным лидером во главе” [11, с. 26]. При анализе предложенных респондентам альтернатив бросается в глаза, что понятие “тип государства” здесь трактуется весьма узко, а именно как степень его вмешательства в экономику, то есть типология производится, в основном, по оси, которая в другом исследовании была названа “этатизм” [6, с. 87].

Второе исследование [12] использует менее узкую типологию и наряду с закрытыми адресует респондентам также и открытые вопросы, однако акцентируется на картине идеального типа государства только в представлениях элиты (политической, экономической, научной и т.п.).

В качестве обобщенного образа в этой статье приводится следующее: “особая демократическая система с сильной исполнительной властью, смешанной экономикой и сохранением социальных гарантий” [12, с. 38]. Сравнивая идеальные образы, представленные в этих двух работах, можно отметить потрясающее их сходство, наличествующее, несмотря на объявленное различие в выборе категорий респондентов, - одно исследование, по-видимому, претендует на репрезентацию всего населения, тогда как другое ограничивается только элитой. Скорее всего этому факту можно найти несколько объяснений: либо элита не выделяется из общего ряда своим представлением идеала государства, либо населением уже усвоены представления элиты об идеале (об этом пишет сама Р.Рывкина, автор второй статьи: ”Правящая элита создает в стране ту или иную

идейную обстановку, причем создает ее по своему образу и подобию” [12, с. 36]), либо же в первом исследовании были заложены имплицитно “элитарные” способы описания идеального государства.

Не буду ограничиваться выбором какого-то одного из них - это было бы бездоказательным суждением. Отметим лишь, что наверняка эта проблематика заслуживает более тщательной проработки, чем она получила, но, возможно, она не вписалась в конъюнктуру сегодняшнего рынка политического заказа.

2. Оценка степени соответствия сегодняшнего государства внедряемому идеалу и идеальному типу в представлениях населения.

В рамках этого направления предпринимаются попытки выявления оценки населением уровня демократизации общества, справедливости государства, хода реформ в целом, а также сложившейся рыночной культуры. Ответами на эти вопросы исследования общественного мнения не изобилуют, но некоторые результаты имеются. Интересно, что особенно основательную проработку в опросах получила тема отношения к предпринимательству и представления предпринимателя массовым сознанием. На основе полученных данных делается вывод о том, что, положительно оценивая предпринимательство в целом, общество весьма критично относится к тем формам, в которых оно развивается сейчас в России, то есть принимая идеал предпринимательства, оценивает реальность как несоответствующую ему.

3. Оценка внедряемого идеала государства и ценностные ориентации населения.

В этой области изучается отношение к имущественной дифференциации и неравенству, к идеям рыночной экономики, к “рынку и реформам”, к идеям демократии, к индивидуализму,

к “общественно-политическим реформам”. Какие же данные и выводы приводятся по отношению к этой тематике?

Касательно отношения населения к имущественной дифференциации и неравенству доходов в исследованиях можно найти две, в общем-то, противоположные картины. Так, в статье В.Бойкова приводится утверждение о том, что “в массовом сознании быстро вызревает негативное отношение к имущественной дифференциации населения” [2, с. 48], основанное на ответах на вопрос: “В обществе появились богатые и бедные люди. Справедливо это или нет с Вашей точки зрения?” (положительный ответ - 38%, отрицательный - 52%). В то же время другой источник приводит рассуждения о том, что “россияне в большинстве своем считают уравнительность (равенство доходов) несправедливой и относятся к ней резко негативно” [11, с. 142], основываясь на имеющемся в его распоряжении списке иерархии ценностей населения. В нем суждение “Равенство доходов, положения, условий жизни важнее, чем равенство возможностей для проявления способностей” заняло 14-ое место из 16-ти возможных, при этом с ним согласились 23,8% респондентов.

В качестве комментария можно сказать, что каждый получил тот результат, какой хотел получить. Этот пример, по моему, хорошо иллюстрирует четкую зависимость выводов от предложенной формулировки вопроса, являющуюся “больным местом” этого подхода для науки и “здоровым местом” для выполнения латентных функций изучения общественного мнения, описанных выше, а также для воплощения в жизнь любых исследовательских склонностей, опять же и сознательно внедряемых в исследование, и бессознательно пропускаемых в него.

Напротив, по вопросу об отношении населения к идеям рыночной экономики, к общественно-политическим реформам, идеям демократии у всех исследователей имеется согласие, заключающееся в признании того, что большинство населения

(“большинство”, правда, имеет различное процентное выражение в разных исследованиях и иногда является производным того, что противников реформ - меньшинство) положительно относится к этим идеям, и более того, считается, что количество поддерживающих рынок растет.

Индивидуализм также считается ценностью, усвоенной и принятой населением, хотя для одних исследователей это показатель того, что “конкурентная рыночная среда для россиян совсем не столь неприемлема, с точки зрения их ценностей, как это обычно представляется” [11, с. 141], а для других индивидуалистские ценности противопоставляются ценностям гражданского общества и являются свидетельством “узкоэгоистических, личностных устремлений, связанных с обустройством личной жизни” [13, с. 10], реализуемых на фоне разговоров о приоритетах духовности.

4. Отношение к СССР и советскому, к возрождению “империи”.

По поводу отношения к СССР задаются следующие вопросы: “Как Вы относитесь к факту распада СССР?”, “Кем Вы ощущаете себя сегодня - гражданином России или СССР?”, “Как вы считаете, что должно быть приоритетным для России - воссоздание централизованного государства на территории бывшего СССР, упрочение связей внутри СНГ или укрепление собственного национального государства?”, а также делается попытка выявить мнение населения о тех ценностях, на которые должна ориентироваться Россия - должны ли они быть “западными”, “традиционно русскими” или “советскими”.

5. Мнения относительно межнациональных отношений и конфликтов.

В рамках этой проблематики основной акцент делается, во-первых, на вопросах о том, кто ответственен в наибольшей степени за национальные конфликты, причем основная масса ответов “обвиняет” местную и центральную элиту (местную обвиняют чаще). Кроме того, выявляют наличие страха населения перед национальными конфликтами - в любом предлагавшемся перечне национальные конфликты выбирались очень большой долей респондентов в качестве своего основного опасения. Часто исследуются представления о чеченском конфликте - его виновниках, необходимых мерах разрешения и возможных последствиях.

6. Состояние национального самосознания русских, степень русского ”национализма”.

Кроме анализа, затрагивающего “традиционно русские” ценности [7], данная проблематика поднимается в форме выявления отношения русских к другим национальностям. Однако обычно рассматриваются лишь вербальные индикаторы “бытового” национализма, которые неизменно показывают, что рус-

ские как национальность не чувствуют угрозы своему существованию или угрозы своей национальной идентичности и, в основном, проявляют интернационализм - на вербальном, повторяю, уровне. Об этом же пишет Ж.Тощенко: “даже сейчас, в период разгула националистических и шовинистических страстей, вряд ли встретишь человека, который стал бы возражать против уважительного отношения к другим нациям” [13, с. 9].

7. Отношение к Западу и к западному, степень российского “национализма”.

Эта область - еще один пример интересной, но “непопулярной” для изучения среди исследователей общественного мнения характеристики массового политического сознания. Однако есть одна работа, которую я уже упоминала, производящая интересный анализ этой проблематики. Это статья “Русский вопрос в России” [7], анализирующая как степень приверженности западным, советским или традиционно русским ценностям, так и отношение к различным элементам западной культуры у сторонников различных политиков.

8. Отношение к различным общественным структурам и к персоналиям.

Эта одна из тех тем, что пользуются спросом, и поэтому затрагиваются большим количеством работ, однако в том виде, в каком производится анализ подобной тематики в рамках опросов общественного мнения, он мало что дает для понимания каких бы то ни было тенденций массового сознания, так как отражает некоторую, адекватную или неадекватную действительности, одномоментную оценку какого-то объекта в обществе.

9. Электоральное поведение.

Изучение электоральных предпочтений - единственная область изучения общественного мнения, исследования в которой

подвергаются последующему анализу, то есть благодаря возможности сопоставить исследования этой области с реальными результатами выборов, в ней вырабатывается некий критический подход к своим методам и их реализации, делаются попытки построения некоторых моделей. Доказательство тому - работы Е.Березиной, А.Ослона и Е.Петренко, В.Шляпентоха, А.Демидова [1, 5, 9, 15]. В рамках данной подтемы исследователи выявляют оценки людьми своих собственных мотивов голосования на прошлых выборах (ориентировка на личность, программу, прошлую деятельность), степени своего внимания к предвыборной кампании и своей ознакомленности с программами, сроки принятия респондентами решения о голосовании за кого-то к прошлым выборам и намерение участвовать в выборах, прогнозирование респондентами чьей-то победы на будущих выборах. Также здесь задаются вопросы типа: “За кого бы Вы проголосовали, если бы выборы состоялись сегодня?”, “За кого Вы голосовали на прошлых выборах?”, “В какое время дня вы голосовали на прошлых выборах?”.

К этой категории могут примешиваться некоторые элементы предыдущей подтемы. Практикуется построение сопряженностей элементов электорального поведения с различными другими характеристиками политического сознания.

Аналитические работы, посвященные опросам общественного мнения в сфере изучения электорального поведения и электоральных предпочтений, затрагивают проблемы точности прогноза итогов голосования, и вследствие этого каждая статья являет собой набор факторов, наличие которых необходимо учитывать и влияние которых следует снижать при прогнозе электорального поведения, и констатацию фактов того, как, когда, почему и каким образом эти факторы учтены не были.

10. Желание или опасения перемен во властных структурах (по сравнению с нынешним состоянием) и ожидания относительно результатов таких перемен.

Эта достаточно простая подтема весьма актуальна, если учесть, что данные относительно нее у разных исследователей вполне согласуются друг с другом [2, 10, 11]. В ее рамки ставится также и вопрос о желательности каких-либо актуальных на данный момент перевыборов. Выводом у разных исследователей неизменно является констатация нежелания большинством населения перемен из-за опасения, что будет еще хуже. Это парадоксальным образом сочетается с ожиданиями ухудшения обстановки в стране безотносительно к изменениям.

11. Оценка личного положения и личные ожидания на будущее, оценка ситуации в государстве и ожидания относительно нее.

Изучение оценки респондентами своего личного положения - материального, психологического, социального - давно является объектом опросов общественного мнения, стоит только вспомнить всем известную “удовлетворенность жизнью”. Сейчас понятие “удовлетворенность жизнью” также активно используется. Респондентов просят оценить общую удовлетворенность жизнью и некоторые частные характеристики этой удовлетворенности, причем особенный акцент в сегодняшних условиях ставится на удовлетворенность материальным положением: изучается субъективная оценка людьми своего материального положения в настоящее время и его сопоставление с прошлым и с прогнозируемым будущим материальным положением. Для изучения оценки ситуации в государстве - ее почему-то приравнивают к “уровню социальной напряженности” - используются оценки степени опасности, тревожности, кризисности, даже катастрофичности ситуации в России, оценка различных проблем по факту их опасности и тревожности, а также ожидания изменения ситуации в ту или иную сторону, имеющиеся у населения.

12. Степень включенности населения в политику.

Для решения задачи оценки включенности населения в политику [8, 10, 11] в опросах общественного мнения были найдены, на наш взгляд, не совсем подходящие индикаторы, такие, как оценка населением своей заинтересованности политикой и своей осведомленности о политике. С помощью них выявляется скорее собственное мнение респондента о степени его “включенности” в политику.

13. Отношение населения к силовым мерам разрешения проблем, тип поведенческой реакции на сегодняшнюю ситуацию и готовность к определенному рода политическим действиям.

В рамках этой проблематики [2, 4, 7, 8, 10, 11, 13, 13, 14], тоже весьма часто интересующей исследователей, и особенно, по-видимому, интересующей властные структуры, изучаются такие моменты, как реакция населения на сегодняшнюю ситуацию (смирение, активное приспособление, принятие как должное, протест), склонность людей к различным формам политического участия, оценка населением действенности этих форм как способов влияния на власть. Особенно часто исследуется отношение к акциям протеста - готовность участвовать в различных их формах, готовность к решительным и силовым действиям, а также к выборам и референдумам - желание участвовать в них, доверие им, оценка их честности.

Описанная здесь общая картина первого типа исследований массового политического сознания довольно наглядно демонстрирует основные свойства работ, построенных на основе опросов общественного мнения, хотя все данные и выводы таких исследований массового политического сознания в рамках статьи привести невозможно - пришлось ограничиться описанием общих тенденций в выборе проблематики и ее проработки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Березина Е.В.* О точности прогноза результатов голосования//Социологические исследования, 1995. № 2. С. 98-104.
2. *Бойков В.Э.* Социально-политические факторы развития российского общества//Социологические исследования, 1995. №11. С. 43-51.
3. *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993.
4. *Барделебен Дж. де, Паммет Дж.Х.* Отношение россиян к референдумам//Социологические исследования, 1995. № 10. С.11-27.
5. *Демидов А.М.* Можно ли предсказать результаты голосования?//Социологический журнал, 1994. № 3. С. 138-144.
6. *Качанов Ю.Л., Сатаров Г.А.* Метаморфозы политического сознания: De omni re scibili et quibusdam aliis//Российский мониторинг: архив современной политики, 1993. Вып. 3. С. 79-108.
7. *Клямкин И.М., Лапкин В.В.* Русский вопрос в России//Политические исследования, 1996. №1. С. 78-90.
8. *Назаров М.М.* Политический протест: опыт эмпирического анализа//Социологические исследования, 1995. № 1. С. 47-59.
9. *Ослон А.А., Петренко Е.С.* Факторы электорального поведения: от опросов к моделям//Вопросы социологии, 1994. № 5. С. 3-27.
10. *Охотский Е.В., Сильвестров С.Н., Хаванов Е.И.* Политическая ситуация в столице//Социологические исследования, 1995. № 5. С. 55-67.
11. Россия в зеркале реформ. Хрестоматия по социологии современного российского общества. М., 1995.
12. *Рывкина Р.В.* Влияние новой правящей элиты на ход и результаты экономических реформ//Социологические исследования, 1995. № 11. С. 35-42.
13. *Тощенко Ж.Т.* О парадоксах общественного сознания// Социологические исследования, 1995. № 11. С. 3-11.
14. *Туманов С.В., Бурькин И.Г.* Электорат России в 1993 г.// Социологические исследования, 1995. № 9. С. 22-45.
15. *Шляпентох В.Э.* Предвыборные опросы в России (критический анализ)//Социологические исследования, 1995. № 9. С. 14-22. № 10. С. 3-11.

(Окончание следует.)